

Bundesarchiv, Bild 102-13744
Foto: o. Ang. | 11. August 1932

Веймарская Республика. Рейгстаг (11.08.1932) .

Дмитрий Суржик, историк

ВЕЙМАРСКАЯ РЕСПУБЛИКА: СЛИШКОМ ЛИБЕРАЛЬНАЯ, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ

80 ЛЕТ НАЗАД В ГЕРМАНИИ К ВЛАСТИ ПРИШЛИ НАЦИСТЫ...

АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Краткая (с 1918 по 1933 годы) история первой немецкой республики считается одним из наиболее трагических моментов в развитии европейской государственности XX века и являет собой прекрасный пример стремительного развития и упадка демократии. Надо сказать, что нет ни одной современной демократической страны, перед которой бы за последнее десятилетие не вставал «призрак Веймара».

Говоря о причинах краха Веймарской республики, при том, что данный список не претендует на исключительно полное и всеобъемлющее их изложение, необходимо выделить следующие пять «блоков причин»:

- 1) недостатки Веймарской Конституции;
- 2) сохранение власти реакционных чиновничества и военных;
- 3) «национальный эгоизм» держав-победителей в отношении Германии;
- 4) слабость демократических партий;
- 5) расцвет «Консервативной революции»;
- 6) успешная пропагандистская деятельность националистических (ННП, НННП и НСДАП) партий.

Все эти факторы, так или иначе, повлияли на осознанный выбор, результатом которого стало солидное представительство гитлеровской партии в рейхстаге, а затем и назначение ее лидера канцлером Германии 30 января 1933 г. То есть приход нацистов к власти был осуществлен с помощью демократических механизмов, основанных на свободном волеизъявлении немецкого народа. Если тому и способствовали закулисные политические интриги, то лишь на заключительном этапе, после того, как НСДАП неоднократно на парламентских выборах получала более 1/3 голосов избирателей.

К основным причинам краха первой немецкой демократии следует отнести те, которые вытекали из Конституции Веймарской республики. От того, насколько она продумана, зависит все дальнейшее развитие государства.

«Веймарская Конституция», принятая в 1919 году, вряд ли могла считаться таковой. Она не пользовалась уважением среди современников. Напротив, ее текст предоставлял много поводов для насмешек. Например, первая статья: «Немецкая Империя является республикой». Содержание Конституции также вызывало множество вопросов. Так, доминирующее положение в системе государственной власти занимал президент. Но в противовес сильному президенту Конституция создала и сильный парламент. Правительство зависело как от Президента, так и от парламента. Канцлер и, по его представлению, министры назначались Президентом, который был формально свободен при выборе кандидатур. Но эти назначения нуждались в одобрении Рейхстага. Канцлер определял основные направления политики и был подотчетен Рейхстагу, а не Президенту. Следствием подобных неупорядоченных отношений высших институтов власти стал крен в сторону личной диктатуры последних канцлеров Веймарской республики (Брюнинга, Папена, Шлейхера).

Однако, вместо противовеса, данные положения послужили источником слабости Веймарской республики, ибо в 1920-е годы в рейхстаге сформировалось два крупных оппозиционных блока, занявших деструктивную позицию по отношению к Веймарской республике. Отсутствие конституционного запрета на деятельность партий, сеющих рознь среди немецкого народа, разжигавших национальную вражду, антисемитизм, создавало условия не только для роста нацистских организаций, но и для легального вхождения НСДАП в веймарскую общественно-политическую и государственную систему.

Другую причину неудовлетворительной работы правительств последнего периода Веймарской республики современники видели в отсутствии верхней палаты рейхстага, которая бы сдерживала «импульсивность» нижней.

От Германской империи Веймарская республика получила кадры государственных служащих. Роковой ошибкой было то, что республика не лишила власти реакционную военщину (представители которой – такие, как генералы фон Сект и фон Шлейхер активно влияли на внутриполитическую жизнь страны), не реорганизовала бюрократический аппарат. Демократию не принял сохранившийся кадровый состав войск.

Армия, подчиняющаяся, по Конституции, только рейхспрезиденту, фактически была бесконтрольной. Она превратилась в самостоятельную активную политическую силу (вспомним, что свою политическую карьеру А. Гитлер начинал как один из политических осведомителей рейхсвера). Отсюда происходило еще одно опасное заблуждение немецких либералов: «Полным самообманом являлось, с одной стороны, представление о национал-социализме как о куче демагогической грязи, а с другой – как о благородном вине, которое еще бродит и которое может быть легко разлито и закупорено в бочках, причём трубку, через которое льется это вино, держит рейхсвер».

В условиях политической конфронтации и, как следствие этого, частой смены кабинетов, оставшееся на местах старое чиновничество также было бесконтрольным, и его самостоятельная политическая активность в условиях «несменяемости», гарантированной Конституцией (ст. 130), определялась отнюдь не демократическими, а консервативно-монархическими убеждениями.

Плохими защитниками демократических порядков, и просто правопорядка были старые судебные кадры с их традиционным пониманием права, оправдывающего «железо и кровь», насилие во имя «национальных интересов». Независимые от правительства судьи, которым Конституция гарантировала несменяемость, выносили пристрастные вердикты.

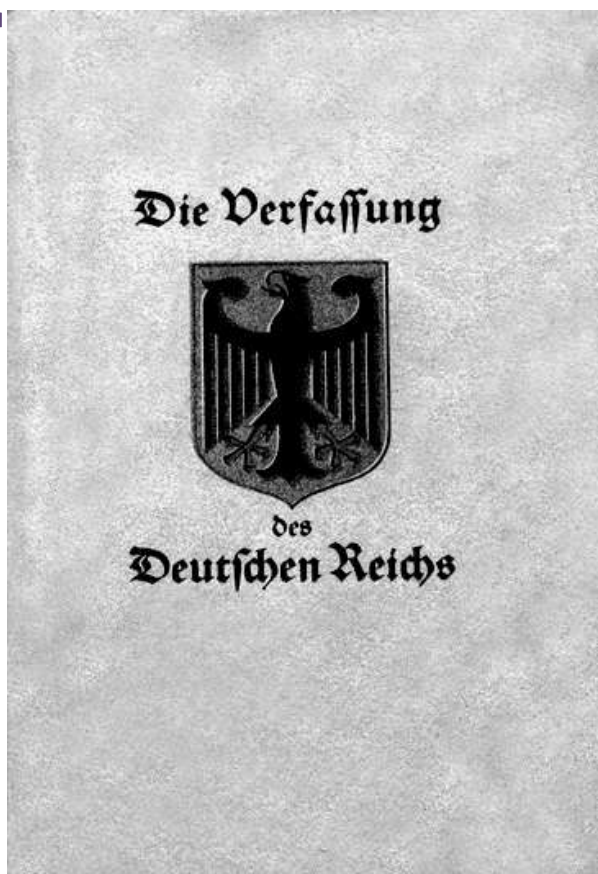
Так, за 1918-1922 гг. в Веймарской республике было совершено левыми экстремистами 22 политических убийства, все виновные были сурово наказаны, 10 человек – казнены. За это же время правыми террористами было совершено 354 политических убийства, из них только один был сурово наказан, но ни один не был казнен. Подобная практика дала повод современникам говорить о «совершенно непонятном... великодушии государственной власти к организациям, которые относились к этой власти с величайшей ненавистью». При этом государственные деятели не понимали, чем является НСДАП, активно поддерживавшаяся «Черным рейхсвером».

Радикальные силы пользовались слабостью политической воли Веймарского государства. Последняя была связана также с отсутствием единства действий его высших и местных органов власти, с децентрализованным характером Веймарской федерации. – Таковым было наследие от Германской империи, где династия Гогенцоллернов (и Пруссия) была первой среди равных.

Успеху националистов (помимо гитлеровской НСДАП в Веймарской республике было еще 2 официальных националистических партии) способствовали «внешние» причины. Нельзя отвергать значение мирового экономического кризиса 1929 – 1933 годов. Его финансово-экономическая сторона уже достаточно исследована. Поэтому уместно упомянуть о проблеме взаимоотношений «великих держав» (Франции, Британской империи и США) с идеологически близкими либеральными партиями Германии (СДПГ и «Центром») и сформированными ими правительствами.

Из истории внешних сношений Веймарской республики можно сделать вполне определенный вывод, что страны-победительницы очень мало способствовали улучшению экономической и политической конъюнктуры лояльных им немецких социал-демократических правительств. Напротив, Великобритания и Франция как на дипломатических конференциях (обвинение исключительно Германской империи в развязывании Первой мировой войны, ее территориальные изменения и жесткие репарационные планы), так и ходе экономического кризиса (ультимативное введение «плана Юнга» и введение протекционистских таможенных пошлин на немецкие товары и срыв державами-победительницами брюнинговского плана таможенного союза Германии и Австрии) вызывали у немецкого населения возмущение, которым пользовались радикальные партии. Французские журналисты писали: «Германия от нас (Лиги Наций – Д.С) ускользает, и ответственность за это несет Франция! Это Франция противится предоставлению Германии равноправия. И именно Франция будет отвечать за перевооружение Германии».

С другой стороны, «монополия на власть», которой обладали партия «Центра» и СДПГ в течение более чем десяти лет, развратила их. За период с 13 февраля 1919 года по 2 июня 1932-го в сменявшихся друг друга девятнадцати правительствах рейха представители партии «Центра» занимали... восемьдесят три министерских поста. За восемь лет ее члены девять раз становились рейхсканцлерами... За длительное время пребывания у власти буржуазный центр потерял чувство реальности.

Веймарская конституция

В ходе принципиальных мартовских выборов 1933 года центристы предпочли с удовольствием почивать на лаврах. А социал-демократы вследствие своей уступчивости в правительстве, мелочности в полемике, бездеятельности в пропаганде и неудачливости потеряли поддержку избирателей.

Но если «усталость от привычки к власти» была внешней чертой, то внутри немецких демократических партий можно говорить об идейном кризисе. Демократические идеи были, скорее «пасынками», чем «родными детьми» немецкой философии. Куда более глубокие корни имело консервативно-антидемократическое направление немецкой общественной мысли.

Отсутствие у демократии ярких профессиональных пропагандистов (в отличие от радикальных партий) ослабляло положение Веймарской республики среди правящего бюргерства и интеллигенции. Отрицательно к республике относилась, подавляющая часть профессуры, ученых, правоведов, историков и пр., задававших тон в немецких университетах, а также студентов, которые оставались приверженцами «Консервативной революции». Не случайно впоследствии среди студентов оказалось много сторонников Гитлера.

Демократический фасад Веймарской республики не опирался на прочный фундамент демократических государственных институтов не только в силу сохранения старого государственного аппарата, но и изъятия самого конституционного порядка, придуманного в Веймаре без глубокого учета обстановки в стране. Так, широкие демократические права и свободы, в частности свобода печати, при отсутствии цензурных ограничений способствовали беспрецедентному росту шовинистической, милитаристской пропаганды. Литература такого толка фактически захлестывала страну, и она имела весьма сильное влияние на умы.

На 1920-е годы приходится расцвет такого феномена немецкой общественно-политической мысли, как «Консервативная революция» или поиски «Третьего пути». Гитлеровская партия лишь использовала в своих целях труды многих философов и мыслителей, имена которых позднее, в силу поверхностного взгляда потомков, стали ассоциироваться с нацизмом (например, О. Шпенглер, А. Мёллер ван ден Брук и другие). Они подготовили

общественное мнение, сформировали у немецкого народа «инстинктивное понимание того, что «что-то должно измениться. Дальше так продолжаться не может». И это «что-то» не будет иметь ничего общего с демократией. Данный своеобразный стереотип массового мышления играл на пользу нацистам, которые действовали вопреки традиционной для режима Веймарской республики практике.

Все эти факторы нашли благодатную почву в сознании немцев. Основная масса населения (что наглядно показали выборы 1929-32 годов) была привержена «великогерманским» ценностям, провозглашенным еще кайзером Вильгельмом II. Большинство немцев не приняло Веймарскую республику, которая считалась порождением "позорного" Версальского мирного договора.

Как пишут современные исследователи: «Общий комплекс идей, характерных для Германии 1920—1930-х годов, представляет собой антидемократизм, национализм, обращение к «славному прошлому», критику существующего режима, имперские геополитические амбиции, идеократию, негативное отношение к гуманизму, либерализму, техницизму, цивилизации Запада, обращение к мифу, религии, архаике и эзотерической традиции, установку на "подлинную" экзистенцию, жизнь в риске, героизм, национальное чувство, вызов буржуазному миру, неконформизм».

К описанным чувствам прибавились усталость и желание покоя после пертурбаций 1920-х годов. Желание стабильности подкреплялось чувством национального унижения. Оно стало благодатной почвой для широкого распространения мифа о «ноябрьских предателях», заключивших Версальский договор, когда победа была так близка.

Ответственность за приход и удержание власти Гитлером самими немецкими политиками возлагалась на свой народ. После разгрома коммунистов, сильной и организованной оппозиции нацизму не было вплоть до 9 мая 1945 г. Оппозиции не было, потому, что в народе не было оппозиционных настроений, хотя немцы знали о гитлеровском терроре. Гитлеровский «порядок любой ценой» был осознанным выбором.

Немцы в массе своей не были настроены против гитлеровской диктатуры. Основной массе населения, его консервативному массовому сознанию трудно было смириться и с тем, что Веймарская республика разрушила старый, привычный порядок кайзеровской империи, казавшийся таким прочным и надежным. По старым добрым временам тосковала не только бывшая правящая верхушка, но и широкие средние слои населения, которые потеряли в результате кризиса, безудержной инфляции свой достаток и имущество, не воспринимали новую, малопонятную, не имеющую ничего общего со старыми временами систему ценностей.

Между свободой и порядком немцы выбирали последний. Осознанность такого выбора подтверждали современники: «Демократия исчезла в некоторых великих странах не потому, что их народы разочаровались в ней, а потому, что они устали от безработицы и небезопасности, оттого, что их дети голодают».

Веймарская республика оказалась слишком либеральной, чтобы пережить экономический кризис. Последний, в свою очередь, обнажил застаревшие политические споры и идеологическое неприятие демократии немцами. В итоге консерваторы объединились с националистами, составлявшими значительную силу в парламенте, разгромили коммунистов и подчинили себе социал-демократов... Это важный урок для всех «новодемократических стран»: государству нельзя резко уходить из экономики и идеологии. И мы обязаны его помнить. ▲

Автор: Дмитрий Суржик - научный сотрудник научно-исследовательского центра (научного руководителя фундаментального многотомного труда) «Великая Отечественная война 1941 – 1945 годов» (Военный университет, Москва)